

Во главе Академии наук СССР

академик В.В.Богатов¹, доктор культурологии И.А.Урмина²

¹Федеральный научный центр биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН (Владивосток, Россия)

²Архив РАН (Москва, Россия)

e-mail: vibogotov@mail.ru; Urminaia@gmail.com

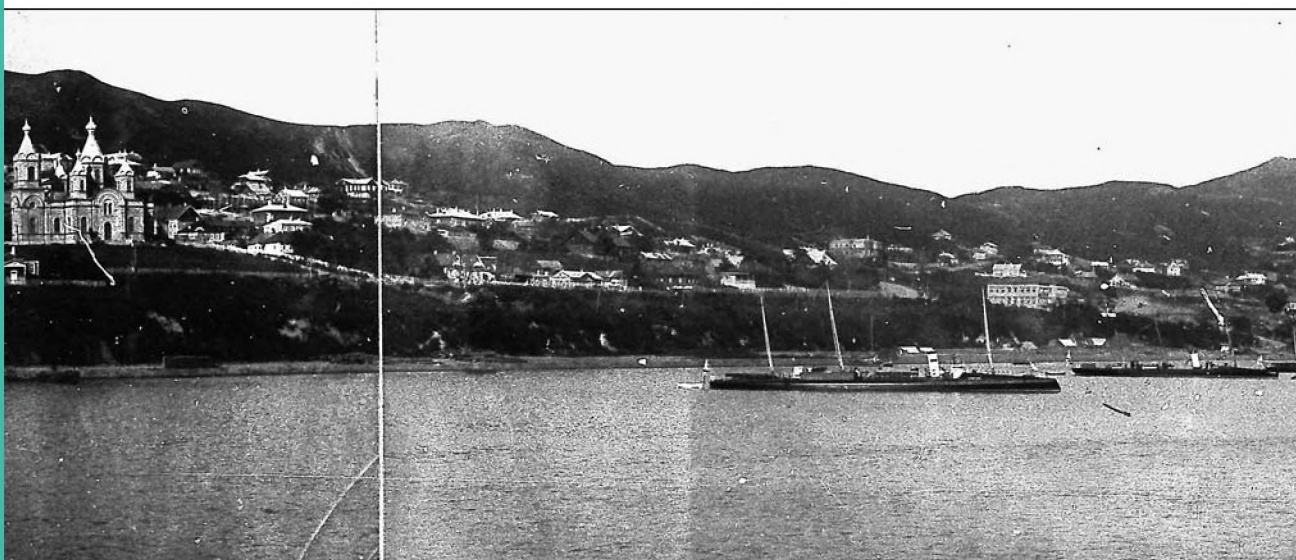
Статья отражает деятельность президента Академии наук СССР (1936–1945) Владимира Леонтьевича Комарова, который всей многолетней работой на ключевых постах в Академии наук показал себя выдающимся организатором науки, мудрым политиком и стратегом высшего класса. Особо подчеркнута самоотверженность Комарова — ученого и гражданина, принявшего на себя ответственность за отечественную науку в тяжелейшие для страны годы сталинских репрессий и Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: В.Л.Комаров, президент АН СССР, Дальневосточный филиал АН СССР, Великая Отечественная война, эвакуация, 220-летний юбилей АН СССР.

Владимир Леонтьевич Комаров — выдающийся ученый-ботаник, вице-президент (1930–1936) и президент Академии наук СССР (1936–1945), а также первый председатель Дальневосточного филиала АН СССР (1932–1939) — на всех ответственных постах в Академии наук показал себя выдающимся организатором науки, мудрым политиком и стратегом самого высшего класса.

Организационные способности будущего президента Академии наук проявились еще в 1915–1920-х годах, когда Комаров поддерживал работу мест-

ных отделений Русского географического общества на Дальнем Востоке. Известный дальневосточный ботаник и лесовод Н.Е.Кабанов писал: *Организационная деятельность В.Л.Комарова особенно усилилась, когда общее собрание АН СССР в 1930 г. избрало его вице-президентом и практически поручило ему руководство всей биологической наукой, в том числе и на Дальнем Востоке. Прекрасно понимая, что познание природы отдаленных от центра окраин... невозможно силами одних только приезжающих сюда ученых, В.Л.Комаров пришел к убеж-*

Вид города Владивостока, 1901 г. Публикуется впервые [15, д.87, л.3].

дению о необходимости создания местных баз Академии наук СССР [1, с.16].

Среди первых баз, организованных в 1932 г. при участии Комарова, были Дальневосточный, Уральский и Закавказский филиалы (с двумя отделениями в Тбилиси и Баку), а также Казахская и Таджикская научные базы. Сам Владимир Леонтьевич стал председателем Дальневосточного филиала. В 1934 г. возникла Кольская, а в 1936 г. — Северная база Академии наук СССР. В конце 1930-х годов были также организованы Узбекский и Туркменский филиалы, а в годы войны — Западносибирский и Киргизский. Открывая 3-ю сессию только что образованного Дальневосточного отделения АН СССР*, проходившую 23–25 августа 1932 г., Комаров отметил: *Дело это еще молодое; только два года тому назад была впервые сформулирована мысль о том, что академии следует создать отделения на местах. Когда я сделал в Академии наук первый доклад о необходимости организации таких отделений, то если бы пустил это на голосование, я бы остался при очень маленьком числе сторонников: такова сила привычек* [2, с.14].

Организация работ на Дальнем Востоке

Определяя задачи Дальневосточного филиала, Владимир Леонтьевич писал: *Необходимо объединить и согласовать в одном комплексном плане разрозненные ныне усилия отдельных научных учреждений, не образующих пока никакой определенной системы. Дать возможность Крайплану ставить опре-*

деленные задачи и получать на них ясный ответ, что позволит научно обосновать всю практическую работу по организации промышленности и сельского хозяйства, базируясь на местном сырье [3, с.6].

Комаров был прирожденным организатором. Его деловую хватку называли «комаровской». Судите сами, Дальневосточный филиал АН СССР реально начал формироваться в феврале 1932 г. с утверждения президиума, состоящего из пяти человек во главе с самим Комаровым. Состав небольшого президиума тоже показателен: и.о. председателя крайисполкома, он же — заместитель председателя президиума (Г.М.Крутов), опытный биолог (В.М.Савич), авторитетнейший на Дальнем Востоке химик (Б.П.Пентегов) и известный металлург (И.Г.Жуков). Кроме того, через месяц был образован Совет ДВФ, в состав которого вошли его президиум и руководящие работники отделения, директора крупнейших на Дальнем Востоке научных институтов и вузов, руководители партийных, советских, хозяйственных и общественных организаций. По своему составу и некоторым задачам созданный совет фактически представлял собой прообраз будущих оборонных комиссий Академии наук, сыгравших ключевую роль во взаимосвязи науки и оборонной промышленности в период Великой Отечественной войны. С мая по август состоялись три сессии совета, которые определили рациональную расстановку научных сил, дали рекомендации по планированию научно-исследовательской и экспедиционной работы в Дальневосточном крае [4, с.13]. Несмотря на то, что сам филиал должен был быть сформирован лишь к декабрю, Комаров уже с мая приступил к планированию

* В 1932 г. филиалы АН СССР назывались отделениями.

Вид города Владивостока, 1901 г. Публикуется впервые [15, д.87, л.12].

Дальневосточный филиал АН СССР, 1933 г. [15, д.3, л.75].

работы поочередно создаваемых подразделений на текущий 1932 г. Документ, названный «Производственный план Дальневосточного отделения АН СССР», охватывал период с августа по декабрь 1932 г. Он был принят в июле и уже к началу сентября опубликован как брошюра (на правах рукописи). Фактически Владимиром Леонтьевичем при организации Дальневосточного филиала была опробована одна из самых первых попыток разработки планов научно-исследовательской деятельности. Дело в том, что Комаров был активным приверженцем идеи увязки научной работы с развитием производительных сил молодого Советского государства, ведь с 1928 г. в СССР началась первая пятилетка, страна входила в эпоху индустриализации. В редакционной статье мартовского номера 1931 г. журнала «Вестник Академии наук СССР» сказано: *Академия не ставила в надлежащей широте вопроса ни о наиболее целесообразном строении научно-исследовательской работы и соответственной структуре научных учреждений, ни о плане научной работы и его увязке с нуждами нашего строительства. Лишь в 1930 г. под давлением жизненных потребностей академия признала необходимость планировать свою работу и перестроить свою организацию применительно к новым условиям* [5, с.2].

Создание новой академии

Владимир Леонтьевич умел договариваться с властью, он строил новую академию при государственной поддержке. Достаточно сказать, что с 1931 по 1939 г., т.е. в период руководства Комаровым Ака-

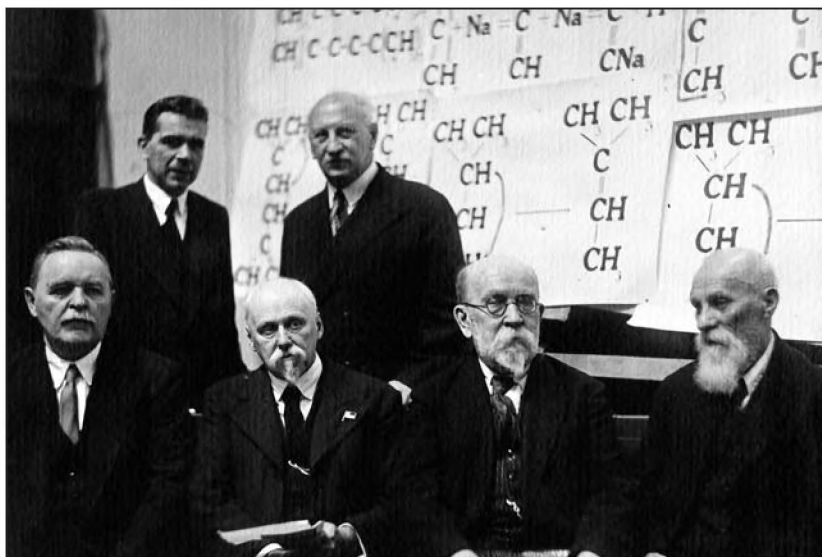
демией наук на постах вице-президента и президента, финансирование АН СССР увеличилось в 25 раз [6]! К началу 1941 г. в составе Академии работало 47 институтов (а также 76 станций и обществ), в том числе созданные в 1930-х годах: Геологический институт (1930), Институт физической химии (1931), Физический институт имени П.Н.Лебедева (1934), Институт органической химии (1934), Институт общей и неорганической химии (1934), Институт физических проблем (1934), Институт теоретической геофизики (1938), Институт мерзлотоведения (1939) и др. В академии работало 123 действительных члена, 182 чле-

на-корреспондента, 5005 научных сотрудников. Для сравнения заметим, что в 1917 г. Российская академия наук состояла всего из 45 членов, имела в своем составе один институт в Тифлисе (ныне Тбилиси) — Историко-архивный, 19 лабораторий, станций и музеев, 21 комиссию. Общая численность сотрудников в тот год достигала 220 человек.

После избрания Комарова президентом АН СССР в декабре 1936 г. [7] начался самый сложный период жизни так и не вступившего в ряды ВКП(б) ученого. Каким мог быть общий фон «президентства» в те годы, понятно. Идеологический контроль был жестким, репрессии вырывали людей даже из академической среды, чиновники Совета народных комиссаров СССР при утверждении планов и отчетов АН СССР делали постоянные, но часто не относящиеся к существу дел замечания, общий тон его руководителей (как в многочисленной переписке, так и при личных встречах) оставался исключительно директивным. При этом Владимир Леонтьевич оставался открытым для решения далеких от политики организационно-хозяйственных проблем научных учреждений АН СССР. Например, в адресованном ему письме от 9 декабря 1938 г. А.М.Деборина, академика-секретаря Отделения общественных наук, содержится просьба позаботиться о быте академиков, проживающих в Ленинграде [8, д.543, л.1]. Директор Института физических проблем академик П.Л.Капица в 1938 г. написал объемное письмо, которое отражало организационные проблемы в сфере науки того времени [8, д.693, л.3–15]. Вот строки из него, актуальность которых сохраняется и в наши дни: *...методы планирования для научной работы долж-*

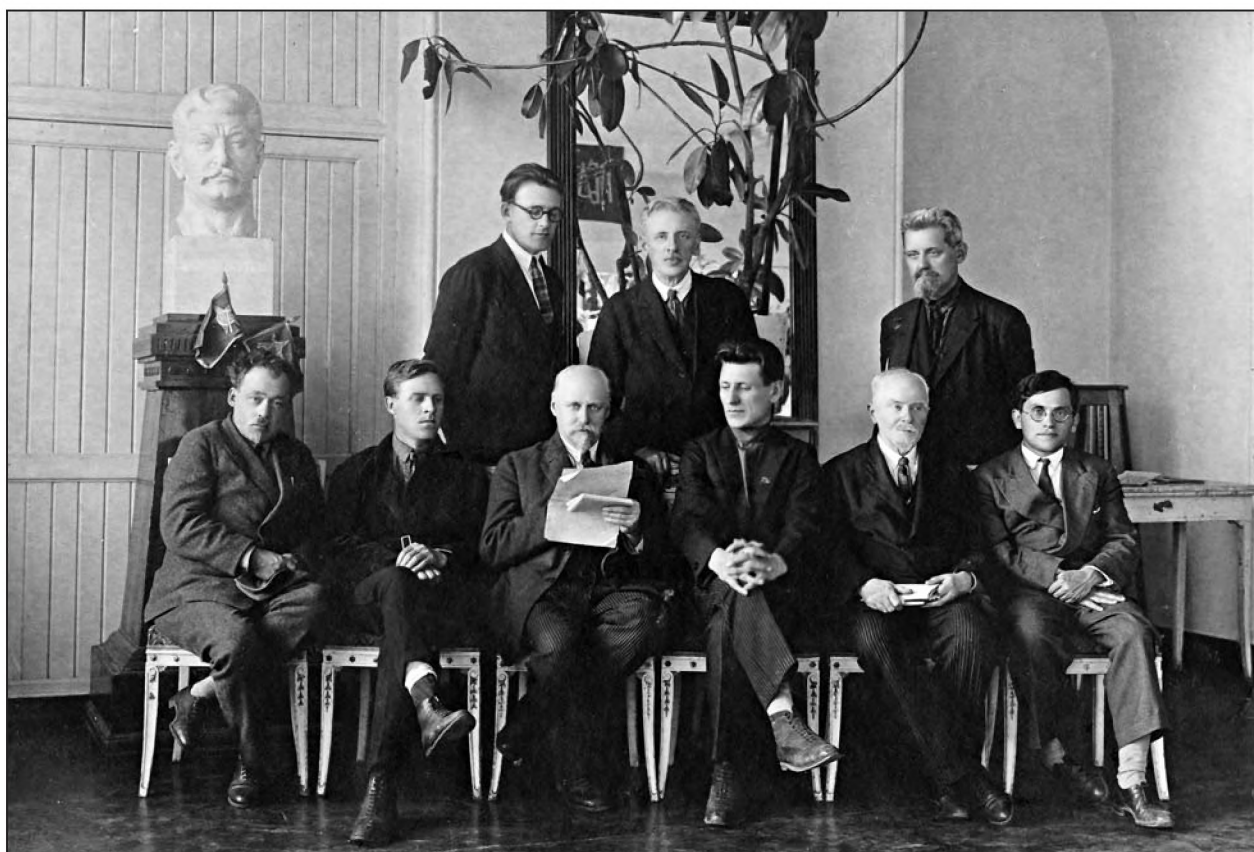
ны быть совсем иными, чем те, которые применяются в других областях народного хозяйства. <...> Если жизнь страны ставит даже крупную задачу, то неизвестно, какое научное учреждение должно ею заниматься. <...> В научной работе так же нелепо требовать детального плана снабжения, как нелепо просить, например, от художника, чтобы он прислал точный список красок, моделей, кистей и полотен, которые ему потребуются в году.

Деятельность Комарова на посту президента АН СССР совпала с периодом, когда Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР возглавлял И.В.Сталин. Еще в 1934 г. Академия наук стала непосредственно подчиняться Совнаркому, и для решения всех важнейших вопросов требовалось одобрение Политбюро. Да и само избрание Комарова на пост президента АН обсуждалось во властных структурах задолго до даты выборов.

Комаров на выездной Всесоюзной сессии АН СССР в Томске, 1932 г. [15, д.15, л.2].

В секретной докладной записке от 5 ноября 1929 г. Ю.П.Фигатнера, руководителя Рабоче-крестьянской инспекции по обследованию деятельности Академии наук, представлен анализ состава Президиума АН: указано, что отстранены академики

Комаров на сессии АН СССР, 1936 г. [15, д.20, л.4].

Собрание работников филиалов и баз АН СССР, 1938 г. [15, д.3, л.122]. Публикуется впервые.

Комаров среди сотрудников Абхазского НИИ и Абгосмузея, 1939 г. [15, д.3. л.118]. Публикуется впервые.

С.Ф.Ольденбург и С.Ф.Платонов, принята отставка А.Е.Ферсмана, далее автор записки отмечает, что *оставшиеся члены Президиума — Карпинский, Комаров и Борисьяк являются людьми для нас безвредными* [9, с.83]. Там же Ю.П.Фигатнер характеризует академиков С.Ф.Платонова, Н.П.Лихачева, С.Ф.Ольденбурга, В.М.Алексеева (занимающихся гуманитарными науками) как *людей по своему мировоззрению враждебных советской власти... которых надо вышибать из академии* [9, с.83]. В ноябре 1936 г., за месяц до выборов в академию, Политбюро приняло решение *наметить президентом АН СССР Комарова В.Л.* [9, с.248]. На выборах президента за него проголосовало 68 (2 голоса против) человек, но в кулуарах было ясно, что не все академики поддерживали это избрание, что подтвердил Н.И.Ежов в спецдонесении И.В.Сталину [9, с.16].

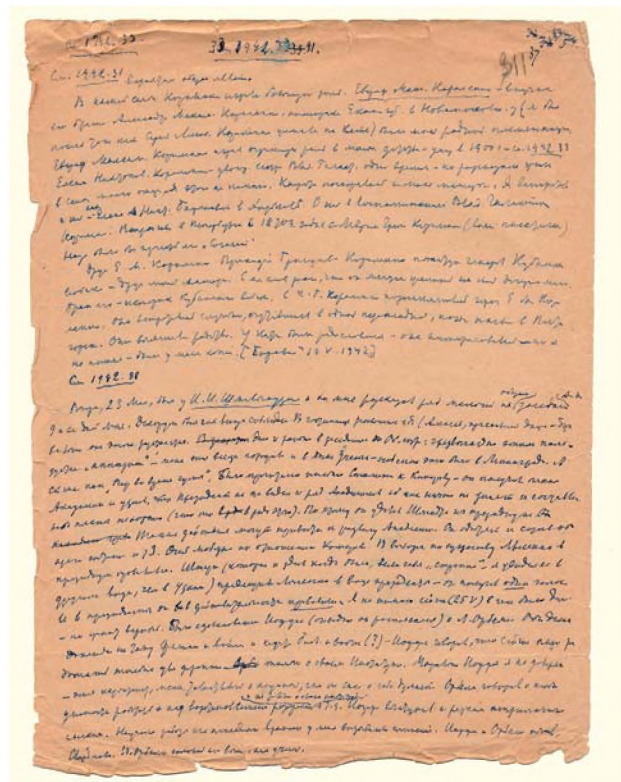
Власть стремилась сделать Академию наук более послушной и управляемой. С этой целью, помимо активной чистки рядов самих академиков, предпринимались также усилия по внедрению «молодых коммунистов» в состав академии. Вот как пишет об этом В.И.Вернадский: *Ужасающее впечатление — новая молодежь, входящая в управление академией — Данилов, Евсеев, Жданов и тому подобные. Это мелкие щедринские типы* [10, с.270]. Кстати, и за деятельностью Комарова также следили компетентные органы. Функции надзора и контроля, в частности, исполнял секретарь Комарова, о чем свидетельствует запись от 28 декабря 1938 г. в дневнике Вернадского, где он приводит слова самого секретаря, сказанные Комарову: *Вы, Владимир Леонтьевич, забываете, что у меня есть и другое начальство, которое мне приказывает это делать* [10, с.384].

Необходимо помнить, что в такой бюрократической системе без визы влиятельных чиновников невозможно было решить ни один из вопросов повседневной жизни научного сообщества. Комаров становился просителем и посредником между сотрудниками академии и властными инстанциями. Поскольку ему была безразлична судьба коллег и знакомых, попавших в трудное положение, он готов был просить за них, даже рискуя служебным положением. Пример тому — письмо прокурору А.Я.Вышинскому о высылке историка В.А.Петрова с просьбой *снять с него позорное клеймо контрреволюционера и допустить его к работе по специальности* [8, д.42, л.1]. Однако Комаров проявлял достаточную гибкость в отношениях с властью, что позволяло ему успешно защищать интересы как Академии наук в целом, так и отдельных ее сотрудников.

Академия наук в годы войны

В год празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне следует специально подчеркнуть, что в годы войны Академия наук СССР сумела не только оказать реальную помощь фронту, но и продолжить серьезные теоретические исследования, которые имели огромное значение для дальнейшего развития отечественной науки [11, с.170–172]. В немалой степени это удалось благодаря целеустремленности ее руководителя — президента Комарова.

В начальный период Великой Отечественной войны Владимир Леонтьевич, несомненно, адекватно оценивал всю трагичность ситуации, сложившуюся на фронтах страны, прогнозировал дальнейшее развитие событий. Уже в июле правительство приняло решение об эвакуации академических учреждений из Москвы и Ленинграда вглубь страны, причем Президиум Академии наук и основная часть ее учреждений переводились в Казань. Организация эвакуации была поручена вице-президенту Академии наук О.Ю.Шмидту, а сам В.Л.Комаров должен был отбыть вместе с другими престарелыми академиками на курорт в Боровое (Казахстан). Несмотря на данную директиву, Комаров решил остановиться в Свердлов-

Из «Хронологии» В.И.Вернадского — о положении в Академии, 1942 г. [17]. Публикуется впервые.

В.Л. и Н.В. Комаровы при входе в АН СССР на Большой Калужской ул., 1940 г. [15, д.3, л.135]. Публикуется впервые.

ске как ключевой точке формирования нового мощного военно-промышленного центра. В то время на Урал уже эвакуировалось большое число предприятий, а местные заводы получали оборонные заказы, требовались дополнительные сырьевые, в особенности рудные и топливные ресурсы.

В 1941 г. Владимир Леонтьевич, конечно, отдавал себе отчет о проблемах, связанных с его возрастом и здоровьем. Ведь ему в начале войны уже было 72 года, а за пару лет до того, 5 августа 1939 г., Владимир Леонтьевич перенес инсульт. Кроме того у Комарова в зимне-весенний период обычно обострялась мучительная хроническая болезнь — псориаз. Тем не менее Комаров обратился в правительство с просьбой оставить его на Урале для организации работы по мобилизации природных ресурсов региона и получил на это разрешение. Безусловно, это был его личный гражданский подвиг! Сложившееся в результате переезда Комарова в Свердловск пространственное разобщение Президиума АН СССР и президента было на тот период вполне оправданно и рационально. Технически отменить ранее принятое решение о переводе Президиума в Казань — город, который имел возможность принять основные силы академии, не имело смысла. Здесь обосновались 33 института и около 2 тыс. научных сотрудников, среди которых было 39 академиков и 44 члена-корреспондента АН СССР. Комаров и группа из 58 академиков и членов-корреспондентов расположились в Свердловске.

Не занимаясь вопросами эвакуации АН СССР вглубь страны, Комаров смог в Свердловске при ак-

тивной поддержке местных партийных и советских органов всю энергию направить на организацию совершенно новой структуры — Оборонной комиссии. В ее состав, помимо В.Л. Комарова, входили академики А.А. Байков, И.П. Бардин, Э.В. Брицке, В.А. Обручев, А.А. Скочинский, С.Г. Струмилин и другие крупные ученые. Владимиру Леонтьевичу в короткие сроки удалось создать и наладить удивительно эффективную и мобильную для военного времени форму и систему взаимодействия ученых, научно-исследовательских и образовательных учреждений с промышленным оборонным комплексом. Академиков довольно часто можно было видеть в цехах заводов и фабрик. К работе комиссии было

привлечено более 800 научных и технических сотрудников, задействовано свыше 60 учреждений.

По свидетельству академика В.В. Костюка, *по объему и сложности научных и практических задач и по количеству специалистов, участвовавших в их решении, наиболее масштабной оказалась работа Комиссии по мобилизации ресурсов Урала. Именно ею были разработаны методы и определены организационные формы, которые впоследствии использовались в районах Западной Сибири, Казахстана и Поволжья* [6, с.981]. Комиссия была тесно связана с девятью наркоматами и особенно с Госпланом СССР, а также с руководящими органами Свердловской, Челябинской, Молотовской, Новосибирской, Карагандинской, Восточно-Казахстанской, Актюбинской и Гурьевской областей. Из ведомственных институтов в работе комиссии наиболее активно участвовали Уральский индустриальный, Уральский горный, Уральский лесотехнический [12, с.133].

Итоговый труд комиссии Комарова, названный «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны», 10 апреля 1942 г. был удостоен Сталинской премии первой степени. Результаты работ комиссии показали целесообразность и эффективность деятельности Академии наук СССР в мобилизационном формате (т.е. при наделении комиссии мобилизационными полномочиями) и получили полную поддержку правительства. И неслучайно на очередных выборах президента АН СССР в мае 1942 г. Комарова избрали на второй срок.

Конфликт с О.Ю.Шмидтом

Незадолго до выборов между президентом Комаровым и его первым вице-президентом Шмидтом произошло то, что вскоре было названо конфликтом, связанным с разработкой плана работы академии на первое полугодие 1942 г. Следует подчеркнуть, что Шмидт и Комаров блестяще сработали «в паре» в начальный период Великой Отечественной войны: Шмидт занимался сложнейшей по масштабам и срокам эвакуацией академических учреждений из Москвы и Ленинграда в Казань и другие города СССР, а Комаров, переехав в Свердловск, организовывал работы по мобилизации ресурсов Урала на военные нужды. Оба руководителя в конце 1941 г. разрабатывали также планы работ эвакуированных казанской и свердловской групп академических институтов плюс сводный план академии на 1942 г. В этой стандартной практике подготовки ответственных документов не было ничего необычного: впоследствии все варианты обсуждались и лучшие идеи или позиции учитывались в итоговом документе. То, что работа по согласованию планов станет источником недопонимания и конфликта между двумя выдающимися учеными, на наш взгляд, было следствием невероятно возросших организационных нагрузок, обрушившихся на руководителей АН СССР, их нервного перенапряжения. Нельзя отменить также всевозможные слухи, пересуды и домыслы (ведь многие из членов академии не знали или не понимали, почему Комаров отделился от Президиума и остановился в Свердловске, а не в Казани), аппаратные недоработки, а может быть, и чьи-то целенаправленные акции, организованные в тот начальный и самый тяжелый период войны. Приведем слова А.А.Сафронова [11, с.137–138], который предложил свою версию событий: *Комаров по правилам субординации в начале декабря 1941 г. направил И.П.Бардина в Казань доложить Президиуму Академии наук план комиссии Комарова на 1942 г. Шмидт как вице-президент по тем же правилам обязан был направить президенту казанский план, мог доставить и лично... В декабре 1941 г. Президиум Академии наук в Казани заслушал доклад академика И.П.Бардина о плане комиссии Комарова на 1942 г. и признал его выдающимся документом. Но этому плану не дали естественного «хода по инстанции», т.е. не передали в Госплан СССР. <...> В начале марта 1942 г. председатель Госплана СССР Н.А.Вознесенский прислал В.Л.Комарову на заключение план Академии наук на текущий год*. Чтобы дать заключение, Владимир Леонтьевич создал комиссию, включив в нее находившихся в Свердловске академиков. Оказалось, в пла-*

не Академии наук полностью отсутствовал материал «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны»! Комаров включил его в план Академии. <...> Кроме того, он дал критические замечания по плану Шмидта: ...в плане нет работ, которые... завершили бы исследование предыдущих лет, именно они могли бы дать немедленный эффект. В то же время в план были включены исследования, которые могли бы дать результаты через несколько лет. Документ был направлен на имя Вознесенского 14 марта 1942 г. Таким образом, только во второй половине марта 1942 г. в правительстве стало ясно, что Шмидт фактически срывает работу Академии наук.

Подводя итог своему исследованию, А.А.Сафронов пишет: *О.Ю.Шмидт успешно провел эвакуацию институтов в Казань, но не смог своевременно разработать план их работы на 1942-й год. Именно В.Л.Комарову пришлось доводить этот план «до ума». При этом в конце 1941 — начале 1942 г. оппонирование О.Ю.Шмидта В.Л.Комарову усиливалось, грозя дезорганизацией работы Академии наук. Конфликт был разрешен И.В.[Сталиным]. Приведем полный текст соответствующей телеграммы Сталина [11, с.138]:*

Свердловск. Президенту Академии наук Комарову В.Л., копия: Казань, вице-президенту Академии наук О.Ю.Шмидту. Совнарком СССР стало известно, что представленный Правительству вице-президентом Академии наук О.Ю.Шмидтом план основных научно-исследовательских работ Академии наук на первую половину 1942 г. не был известен президенту Академии наук, и президент был лишен возможности предварительно ознакомиться с этим планом. Многие академики также были лишены этой возможности. Таким образом, со стороны вице-президента О.Ю.Шмидта была сделана нелояльная попытка игнорирования и фактического отстранения президента от руководства Академией наук. Совнарком считает такое положение нетерпимым, а поведение О.Ю.Шмидта — дезорганизующим работу Академии наук. Ввиду изложенных обстоятельств Совнарком СССР решил отстранить О.Ю.Шмидта от обязанностей вице-президента и исключить его из состава Президиума Академии наук. Доводя об этом до вашего сведения, я выражаю уверенность, что, несмотря на трудные условия военного времени, научная деятельность Академии наук будет развиваться в ногу с возросшими потребностями страны и Президиум Академии наук под Вашим руководством сделает все необходимое для осуществления стоящих перед Академией наук задач.

Председатель Совнаркома И.Сталин. 24 марта 1942 г.

Многоуважаемый

Владимир Леонтьевич!

С 15-го по 25-ое сентября я был в Москве, чтобы провести несколько крупных вопросов Академии.

Главным из них являлся наш план оборонных научных работ на 1У квартал. Этот план охватывал 245 тем (по всем институтам Академии). Как я уже Вам писал, этот план надо было доложить в Комиссии тов. Кафтанова и в других правительственных органах. Наш план вслужу встречен одобрительно. Кроме т. Кафтанова его внимательно изучили т. Перлукин и другие лица. Одобряя в основном направления наших работ, нам указали, однако, на то, что нам следует в большей мере сделать акцент на хотя бы ограниченном числе наиболее крупных вопросов, на которых концентрировать внимание.

Очень радостно, что за сравнительно короткий срок Институты Академии Наук решительно перестроили свою работу, значительно улучшили связь как с оборонными организациями, так и заводами. Это относится не только к физическим и химическим институтам, но и к биологическим, географическому, геологическому и др.

Опыт показывает, что и впредь нам, повидимому, следует планировать работу, в особенности оборонную не на год, а на квартал, ибо все время возникают новые вопросы и требуется их решить в конкретно-ограниченный срок.

Другим важным вопросом было установление штатов Академии в современных новых условиях. Образованная при СНК Центральная Штатная Комиссия очень внимательно подошла к рассмотрению наших штатов, кропотливо изучая каждую структурную единицу. В результате новые штаты сведены в количестве около 5. 700 штатных единиц вместо 8.100, утвержденных по смете 1941 года. Как не ведяко это сокращение, оно не вызвало уменьшения деятельности Академии и почти во всех случаях проходило при полном согласии директоров институтов.

Сотрудники, в основном, сбалансированы, имеющие основную работу в другом месте.

- 2 -

Перевод в Казань заставил по новому определить структуру Центрального аппарата Академии. В согласии с Центральной Штатной Комиссией мы остановились на том принципе, что Президиум имеет один центральный аппарат, а конкретные сотрудники находятся в Москве и Казани, в зависимости от потребности. Что касается хозяйственного аппарата, то прежнее единое Управление Делами сейчас уже не является удачной формой. Мы остановились на разделении его на два самостоятельных административно-хозяйственных управления - Московское и Казанское. Должность начальника административно-хозяйственного управления в Москве пока формально вакантна. Если С.Д.Носов в недалеком будущем вернется от исполнения того поручения, которое на него возложил Райком, то полагаю, что он мог бы занять эту должность. В Казани же мы назначили на эту должность П.Н.Колесникова, оставив его, разумеется, одновременно в должности Заместителя Председателя Комитета филиалов и баз. П.Н.Колесников охотно берет эту большую нагрузку, так как понимает, что в настоящее время каждому приходится работать вдвое итрое.

С 30-го сентября по 2-ое октября в Казани происходили расширенные заседания Академии, на которые прибыл ряд товарищей из Москвы (А.Е.Ферсман, А.Н.Колмогоров, В.Н.Образцов, П.И.Дебед-Полянский и др.). На заседаниях Президиума были заслушаны доклады об открытой (не специальной) тематике институтов. Кроме того мы естественно воспользовались встречей с большим числом академиков для постановки ряда вопросов.

Наша современная тематика требует более гибкого планирования и конкретных решений по направлению той или иной работы. Для этой цели Президиум образовал тематическую комиссию в составе: О.Ю.Шмидта, Е.А.Чудакова, Н.Н.Семенова, А.Ф.Иоффе, В.П.Никитина, С.И.Дольжковича, П.А.Светлова и М.П.Евдокимова (секретарь комиссии). Эта комиссия будет заниматься в основном оборонной тематикой, находясь в тесной связи с Комиссией т. Кафтанова и оборонными организациями.

Президиум избрал академика М.Б.Митина членом Президиума и возложил на него руководство работой гуманитарных отделений Академии Наук. Этот вопрос, как Вы знаете, уже давно обсуждался. Давно было ясно, что работу этих Отделений надо как то объединить и улучшить. Особенно остро этот вопрос стал во время вой-

- 3 -

ны и после переезда ряда академиков и в том числе А.М.Деборана в Казань. Мы советовались по этому вопросу с директивными органами. Из двух возможных кандидатов - академиков Е.М.Ярославского и М.Б.Митина - первый оказался слишком перегруженным, а избрание второго было санкционировано. Не имея возможности вызвать общее собрание, мы с разрешения Совнаркома воспользовались расширенным заседанием Президиума, на котором участвовало много академиков, для этого избрания. Это является, конечно, некоторым отступлением от Устава, но очень незначительным, оправдываемым условиями военного времени.

В нашей текущей работе в Казани за последнее время еще более укрепилась связь с оборонными заводами. В ряде случаев удалось оказать непосредственную конкретную помощь, которая позволяла повысить продукцию.

Значительные затруднения мы все еще испытываем в решении наших хозяйственных вопросов. Трансформаторы, о которых я писал в прошлом письме, удастся, повидимому, установить к 15 октября, так же как и насосы для подкачки воды к нашим лабораториям, потребностям ее гораздо больше, чем прежде лаборатории Университета. Закачиваем ремонт и частичное переоборудование отопления лабораторных зданий и общежитиях. Очень трудно с доставкой дров, так как не хватает транспорта. Еще многое также нужно сделать для улучшения бытовых условий наших сотрудников. Расселение их можно в основном считать законченным; но надо позаботиться еще об улучшении их снабжения, по возможности избавив их от забот в этом отношении, чтобы они могли всю свою энергию направить на научную работу.

Президиум постановил образовать хозяйственно-техническую комиссию. Председателем этой комиссии утвержден академик А.М.Терпигоров и членами: академик В.Г.Хлопин, И.Б.Френкин, Я.И.Меш (Зам. Директора Физического Института), Кузнецкий (Главный энергетик Института химической физики), П.Н.Колесников, А.В.Беляев и Н.Ф.Федоров. Этой комиссии предстоит большая, серьезная работа.

Особенно хочется мне сообщить Вам радостную весть: благодаря исключительной заботе Правительства и Ленинградских организаций из Ленинграда на самолетах вылетело значительное число крупных ученых, в том числе академики Обнорский, Джанавиц, Фок,

- 4 -

член-корреспондент Шателен и др. Часть из них отправилась в Казань, часть будет работать в Москве.

Вопрос о дальнейшей судьбе Ленинградских институтов был мной поставлен в Москве перед товарищем Шверником. Я получил ответ, что когда обстановка позволит будут приняты все меры для их постепенного перевода. В этот момент это было еще затруднительно. Сейчас мы этот вопрос вновь поднимаем.

Вот, Владимир Леонтьевич, наиболее крупные события в нашей жизни.

Мне очень хочется поехать в Свердловск, чтобы подробно рассказать Вам о всех наших делах. Надеюсь, в недалеком будущем эту поездку мне удастся осуществить.

Прошу Вас принять от меня сердечный привет

6 октября 1941 г.

Принято членом Президиума заседания Президиума.

Письмо вице-президента О.Ю.Шмидта президенту АН СССР В.Л.Комарову о работе институтов АН в условиях эвакуации. 1941 г. [8, д.1615, л.10-13]. Публикуется впервые.

Реорганизации в академии

Надо заметить, что Комаров извлек определенные уроки по организации работы академии в первые месяцы войны. Сразу же число направлений исследований и мера ответственности за них возросли, что крайне усложнило работу академическому руководству, состоящему всего из трех человек: самого президента и двух вице-президентов. Академия в тот период не имела даже своего неперменного секретаря (эту должность упразднили в 1938 г. после ареста, а затем и расстрела в качестве «врага народа» неперменного секретаря АН СССР академика Н.П.Горбунова). Учитывая полученный на начальном этапе войны опыт, Комаров после своего повторного избрания пошел на смелый, но оправданный шаг: он предложил Общему собранию Академии избрать шесть вице-президентов вместо двух. Была также восстановлена должность неперменного секретаря Академии, названная «академик-секретарь», а впоследствии — «главный ученый секретарь».

В докладе о плане работ на 1942 г., представленном Комаровым общему собранию, были сформулированы задачи по развитию базовых отраслей промышленности, усовершенствованию технологии производства вооружений и при этом — продолжение фундаментальных исследований. Все предложения Комарова были одобрены членами

Общего собрания единогласно. С этого дня каждый новый вице-президент Академии отвечал за определенное направление работ, что повысило их эффективность, а решением Общего собрания Президиум академии был переведен из Казани в Свердловск.

Созданные по аналогии с комиссией Комарова другие оборонные комиссии Академии наук в дальнейшем приняли на себя руководство всем инновационным комплексом СССР. Отметим следующие комиссии: по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья (под руководством академика Е.А.Чудакова), по научно-техническим военноморским вопросам (академик А.Ф.Иоффе и доктор технических наук И.В.Курчатов), Военно-инженерная (А.Ф.Иоффе), по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии (академик А.Е.Ферсман), Военно-санитарная (академик Л.А.Орбели), по восстановлению разрушенного хозяйства (академик А.А.Скочинский). Одни и те же члены академии могли состоять в нескольких комиссиях. В задачу оборонных комиссий входило, в первую очередь, создание и усовершенствование боевых технических средств Красной армии и Военно-морского флота, организация помощи промышленности в налаживании массового производства новой оборонной техники, выработка технологических схем для расширения и ускорения выпуска

Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана, 1942 г. [15, д.3, л.171]. Публикуется впервые.

продукции для победы, мобилизация ресурсов (металла, топлива, электроэнергии и др.) восточных районов СССР, восстановление западных и южных районов страны, идеологическая борьба против фашизма.

В октябре 1944 г. советская общественность тепло отметила 75-летний юбилей Комарова. Президиум Верховного Совета СССР высоко оценил заслуги и деятельность президента Академии наук, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Поздравлений было много.

Много было и неотложных дел. В частности, после реэвакуации Академии наук в Москву Комаров включился в организацию работы по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Начиная с этого периода страна стала приумножать сеть научных институтов и число ученых. В 1943 г. были организованы Лаборатория №2 и Институт кристаллографии, учреждены Западно-Сибирский и Киргизский филиалы АН СССР, Академия педагогических наук РСФСР. В том же году Армянский филиал Академии наук был реорганизован в АН Армянской ССР. На базе дальневосточной Горно-таежной станции имени В.Л.Комарова была образована Дальневосточная база АН СССР взамен закрытого в 1939 г. Дальневосточного филиала АН СССР. В 1944 г. была создана крупнейшая в мире Академия медицинских наук СССР. При поддержке Комарова в Москве строился Физический институт АН СССР, под Ленинградом восстанавливалась Пулковская обсерватория, разворачивалось

строительство Ботанического сада в Москве. Под руководством Комарова готовилось научное обоснование проекта создания металлургической базы в северо-западном районе страны.

Встреча со Сталиным и юбилей АН СССР

13 ноября 1944 г. состоялась историческая встреча Комарова со Сталиным. В своей статье «Волнующая беседа» Владимир Леонтьевич писал: *Недавно мне выпало на долю большое счастье. Я беседовал с Иосифом Виссарионовичем Сталиным и получил от него руководящие указания относительно работы Академии наук СССР* [13]. Основные указания вождя касались мобилизации ресурсов на нужды фронта и военной промышленности, восстановления народного хозяйства в районах, освобожденных от оккупации, вопросов энергетики с особым вниманием к моторному топливу. В части сырьевых ресурсов одна из самых важных задач АН СССР, по мнению Сталина, заключалась в поисках новых рудных баз для ленинградской промышленности, а в области добычи и переработки нефти — поиск новых нефтеносных площадей, новых технологических методов переработки нефти и новых путей использования нефтепродуктов. Особое значение Сталин уделил истории естествознания и созданию научного центра по истории мирового и отечественного естествознания в системе АН СССР. Комаров заметил: *В беседе со мной Иосиф Виссарионович выразил удивление по поводу отсутствия такого института в Акаде-*

Заседание юбилейной комиссии по проведению празднования 220-летия Академии наук СССР (академики: И.П.Бардин, В.П.Волгин, Л.А.Орбели, В.Л.Комаров, Н.Г.Бруевич, Н.Д.Зелинский, Н.В.Зубов), май 1945 г. [15. д.41, л.1].

Глубокоуважаемый
Владимир Леонтьевич,

В эти знаменательные юбилей-
ные дни Вас Академия тесно связы-
вает с Вами, своего Президента,
и вместе с Вами объединяет
в радостном гудении миллионов
народа и в общей благодарности
каменю Правительству, так
много сделавшему для расцвета
науки и так высоко поднявшему
звание Академии.

Сорго издравило Вас с
юбилеем 220-летия Академии

мии наук. Это чрезвычайно важное дело, — сказал товарищ Сталин. — Молодежь в особенности должна знать историю науки. В течение встречи обсуждались также вопросы снабжения ученых иностранной литературой и лабораторным оборудованием, помощи республиканским академиям со стороны всесоюзных научных центров. Предварительно был решен вопрос и о праздновании в 1945 г. 220-летнего юбилея Академии наук как праздника всей мировой науки и столетнего юбилея Географического общества, которому принадлежит громадная заслуга в изучении природы нашей Родины и других стран.

Уже 22 ноября 1944 г. Совнарком СССР принял постановление об образовании Института истории естествознания и назначении Комарова его директором. Сразу же начались организационные заботы по получению помещения, подбору сотрудников, приобретению научной литературы и инвентаря. По замыслу Комарова, деятельность института должна была быть связана с историей мирового и особенно русского естествознания, хранением и публикацией научного наследия классиков русской науки.

В рамках предварительной договоренности Комаров 20 декабря 1944 г. отправил Сталину письмо с обоснованием даты 220-летнего юбилея АН

наш СССР и с высшими гра-
жданскими наградами, от-
личившимися Вами деятельностью
и работой миллионов наших
соотечественников. Сорго издравило
с Вашей наградой глубокоува-
жаемого Кадоры Панорамы.

Глубоко сожалею, что ко-
варная болезнь не даст мне
возможности лично участвовать
в юбилейных торжествах и не
песте разделить общую радость.
Это личное мое сожаление
не смягчается тем, что мною
не выматываю и заботой,

которые я непрерывно чув-
ствую с Вашей стороны и
со стороны всех товарищей
в Академии

От всей души благодарю
Вас, Сорго и глубокоуважаю
Владимир Леонтьевич.

О.Ю.Шмидт

14 мая 1945 г.

Письмо О.Ю.Шмидта В.Л.Комарову с поздравлением, 1945 г.
[8, д.1615, л.23–24]. Публикуется впервые.

В.В.Богатов у могилы В.Л.Комарова, 19 ноября 2019 г.

Фото А.С.Федоровского

СССР. Юбилей Академии наук рассматривался как большое политическое событие, демонстрирующее торжество науки победившей страны. Грандиозный масштаб задуманных торжеств хорошо вписывался в план Сталина показать всему миру мощь и размах народа-победителя. Юбилейная сессия АН СССР

проходила в Москве и Ленинграде с 15 июня по 3 июля 1945 г. В ее работе приняли участие делегации из 19 стран и 123 участника, из которых почти половина — нобелевские лауреаты. Все участники сессии смогли присутствовать на Параде Победы на Красной площади. Зарубежные гости имели возможность не только посетить академические институты, но и увидеть руины на месте художественных и архитектурных памятников мирового значения в Петродворце и Пушкино и пустое место там, где ранее высилась известная всему цивилизованному миру Пулковская обсерватория [14]. По мнению ученых, собравшихся на юбилейной сессии, АН СССР в годы войны сыграла выдающуюся роль и проявила себя так, как ни одна академия мира! Достаточно сказать, что Академия наук сумела перестроить свою работу на военный лад уже через два месяца после начала войны. В США такая перестройка растянулась на несколько лет, а в Великобритании до конца войны так и не удалось мобилизовать науку [6, с.978].

До последнего президент Академии наук оставался на посту. Лишь 14 июля 1945 г. Владимир Леонтьевич передал в Президиум АН СССР заявление с просьбой об освобождении его от обязанностей президента по состоянию здоровья, а 5 декабря того же года его не стало. Удивительна самоотверженность Комарова — ученого и гражданина, принявшего на себя ответственность за отечественную науку в тяжелейшие для страны годы сталинских репрессий и Великой Отечественной войны.

* * *

Один из авторов статьи (В.В.Богатов) 19 ноября 2019 г. — через месяц после юбилея В.Л.Комарова — посетил практически забытую могилу Владимира Леонтьевича и Надежды Викторовны Комаровых на Новодевичьем кладбище. Совсем рядом находится ухоженная могила академика В.А.Обручева, который умер в 1956 г., а большой памятник Владимиру Леонтьевичу работы В.И.Мухиной зарос кустарником. Вызывает огромное сожаление, что могила Комаровых не внесена в перечень наиболее важных захоронений. ■

Могильные плиты В.Л. и Н.В.Комаровых, 19 ноября 2019 г.

Фото В.В.Богатова

Литература / References

1. Кабанов Н.Е. Академик В.Л. Комаров — организатор науки на Дальнем Востоке. Комаровские чтения. Вып. 18. Владивосток, 1971; 15–20. [Kabanov N.E. Academician V.L. Komarov as organizer of science in the Far East. Komarov's Readings. Issue 18. Vladivostok, 1971; 15–20. (In Russ.).]
2. Комаров В.Л. Место Академии наук в системе научных учреждений Союза. Вестник ДВО АН СССР. 1932; (1/2): 12–15. [Komarov V.L. Place of the Academy of Sciences in the system of scientific institutions of the Soviet Union. Herald of the Far East Branch of the USSR Academy of Sciences. 1932; (1/2): 12–15. (In Russ.).]
3. Дальневосточный филиал Академии наук СССР. Харбин, 1933. [Far East Branch of the USSR Academy of Sciences. Harbin, 1933. (In Russ.).]
4. Богатов В.В. Дальневосточный филиал Академии наук (1932–1939 гг.): страницы истории. Вестник ДВО РАН. 2017; (5): 7–20. [Bogatov V.V. Far East Branch of the Academy of Sciences: pages of history. Herald of the Far East Branch of the USSR Academy of Sciences. 2017; (5): 7–20. (In Russ.).]
5. От редакции. Вестник АН СССР. 1931; (3): 2. [From Editorial board. Herald of the USSR Academy of Sciences. 1931; (3): 2 (In Russ.).]
6. Костюк В.В. Академия наук СССР в годы войны. Вестник РАН. 2005; (11): 975–983. [Kostyuk V.V. The USSR Academy of Sciences during the war. Herald of the Russian Academy of Sciences. 2005; (11): 975–983. (In Russ.).]
7. Архив РАН. Ф.411. Оп.3. Д.59. Л.19. [Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 411. Inventory 3. File 59. Leaf 19. (In Russ.).]
8. Архив РАН. Ф.277. Оп.4. [Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 277. Inventory 4. (In Russ.).]
9. Академия наук в решениях политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС: 1922–1991. Т. I (Сост. В.Д. Есаков, Ю.С. Осипов). М., 2000. [Academy of Sciences in decisions of the Politburo of the Central Committee of Russian communistic party (bolsheviks) — The All-Union communist party (bolsheviks) — the Communistic party of the Soviet Union: 1922–1991. T. I. V.D. Esakov, Yu.S. Osipov (coll.). Moscow, 2000. (In Russ.).]
10. Вернадский В.И. Дневники 1935–1941. Кн. 1: 1935–1938. М., 2006. [Vernadsky V.I. Diaries of 1935–1941. Book 1: 1935–1938. Moscow, 2006. (In Russ.).]
11. Козлов Б.И. Академия наук СССР: особенности отношений с властью в условиях войны 1941–1945 гг. Институционализация отношений государства и науки в истории России. М., 2007; 162–182. [Kozlov B.I. Academy of Sciences of the USSR: peculiarities of relations with power in conditions of war 1941–1945. Institutionalization of relations between the state and science in the history of Russia. Moscow, 2007; 162–182. (In Russ.).]
12. Сафронов А.А. Конфликт в Академии наук СССР: В.Л. Комаров — О.Ю. Шмидт — И.В. Сталин (1941–1942). Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург, 2009; 128–149. [Safronov A.A. Conflict in the Academy of Sciences of the USSR: V.L. Komarov — O.Yu. Schmidt — I.V. Stalin (1941–1942). Document. Archive. History. Present days. Issue 10. Yekaterinburg, 2009; 128–149. (In Russ.).]
13. Комаров В.Л. Волнующая беседа. Вестник АН СССР. 1945; (1): 7–11. [Komarov V.L. The concerning conversation. Herald of the USSR Academy of Sciences. 1945; (1): 7–11. (In Russ.).]
14. Павлов Н.В. Владимир Леонтьевич Комаров. М., 1951. [Pavlov N.V. Vladimir Leontievich Komarov. Moscow, 1951. (In Russ.).]
15. Архив РАН. Ф.277. Оп.6. [Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 277. Inventory 6. (In Russ.).]
16. Архив РАН. Ф.277. Оп.2. Д.101. [Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 277. Inventory 2. (In Russ.).]
17. Архив РАН. Ф.518. Оп.2. Д.52. Л.311. [Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 518. Inventory 2. File 52. Leaf 311. (In Russ.).]

The Head of the USSR Academy of Sciences

V.V. Bogatov¹, I.A. Urmina²

¹Federal Scientific Center of the East Asia Terrestrial Biodiversity, Far East Branch of RAS (Vladivostok, Russia)

²Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The article reflects the activity of the President of the Academy of Sciences of the USSR (1936–1945), Vladimir Leontievich Komarov, who had proved to be an outstanding organizer of science, a wise politician and a high-class strategist within all years of work in responsible positions at the Academy of Sciences. The selflessness of Komarov, a scientist and citizen who assumed responsibility for domestic science during the years of Stalin's repression and the Great Patriotic War is particularly emphasized.

Keywords: V.L. Komarov, President of the USSR Academy of Sciences, Far East Branch of the USSR Academy of Sciences, Great Patriotic War, evacuation, 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences.